

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Мэри
Стюарт

И ДЕВЯТЬ ЖДУТ
ТЕБЯ КАРЕТ
♦
МАДАМ, ВЫ БУДЕТЕ
ГОВОРИТЬ?

Романы, повеллы

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 88

Mary Stewart

NINE COACHES WAITING

Copyright © 1958 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1958 by Hodder & Stoughton,
an Hachette UK Company.

ROSE COTTAGE

Copyright © 1997 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1997 by Hodder & Stoughton,
an Hachette UK Company

MADAM, WILL YOU TALK?

Copyright © 1955 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1955 by Hodder & Stoughton,
an Hachette UK Company

TOUCH NOT THE CAT

Copyright © 1976 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1976 by Hodder & Stoughton,
an Hachette UK Company

THE WIND OFF THE SMALL ISLES

Copyright © 1968 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1968 by Hodder & Stoughton,
an Hachette UK Company

THE LOST ONE

Copyright © 1960 by Mary Stewart

First published in Great Britain in 1968 by Hodder & Stoughton
an Hachette UK Company.

The right of Mary Stewart to be identified as the Author of the Works has been
asserted by her in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.
All rights reserved

Перевод с английского

Рамина Шидфара, Юлии Бабчинской, Михаила Кононова,
Екатерины Коротнян, Натальи Машкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Р. К. Шидфар, перевод, 2022

© Ю. Д. Бабчинская, перевод, 2022

© М. В. Кононов, перевод, 2007

© Е. А. Коротнян (наследник), перевод, 2007

© Н. В. Машкина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-15801-6

**И ДЕВЯТЬ ЖДУТ
ТЕБЯ КАРЕТ**

КАРЕТЫ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Подумай о роскошествах дворцовых!
Приволие и богатство! Пышные закуски,
Трепещущее на тарелках мясо,
Томимое желанием быть съеденным...
Пирь при свете факелов! Веселье! Игры!
И девять ждут тебя карет — вперед, скорее —
И прямо к дьяволу...

Сирил Тернер. Трагедия мстителя

Как хорошо, что в аэропорту меня никто не должен встречать! Самолет прибыл в Париж, когда уже начинало темнеть. Стоял мягкий, серенький мартовский вечер, воздух был по-весеннему свеж. Под ногами блестел мокрый асфальт; небо над летным полем, отмытое недавним дождем до чисто-голубого цвета, казалось бездонным. Влажный ветер подгонял гряды легких облаков, вспыхивавших бледным, призрачным светом, когда их касался луч заходящего солнца. За зданиями аэропорта ярко блестели провода, окаймлявшие шоссе, по которому мчались машины с зажженными фарами.

Часть багажа уже выгрузили. Я заметила свой потрепанный чемодан, втиснутый между новеньким щегольским баулом и чем-то огромным, экстравагантным, обтянутым кожей песочного цвета. Когда-то мой чемодан был дорогой и солидной вещью из настоящей хорошей кожи, на которой вытиснена монограмма отца, — теперь ее почти полностью закрывала полуразмытая лондонским дождем наклейка: «Мисс Л. Мартин, Париж». «Как символично», — подумала я с горькой иронией. Мисс Л. Мартин во плоти так же втиснута сейчас между дородным мужчиной в безупречно сшитом костюме и красивой молодой американкой, небрежно накинувшей шубу из платиновой норки поверх туалета, который со спокойным достоинством извещал окружающих, что его хозяйка недавно уже побывала в Париже. А у меня, должно быть, такой же потрепанный вид, как и у сохранившего следы былой респекта-

бельности отцовского чемодана, выделявшегося среди мелкой ручной клади.

Прошло целых десять лет, и вот я наконец вернулась домой. Десять лет. Треть моей жизни, даже больше. Так много, что сейчас, медленно продвигаясь в толпе у таможенного барьера, я чувствовала себя путешественницей, впервые оказавшейся в чужой, незнакомой стране. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы привыкнуть к быстрому потоку французской речи. Вокруг то и дело раздавались радостные восклицания людей, которых немедленно заключали в тесное кольцо родственники и знакомые, и я поймала себя на том, что невольно пробегаю глазами по толпе в поисках хотя бы одного знакомого лица. «Господи, какая глупость! Кто мог меня встречать? Мадам де Вальми собственной персоной?» Эта мысль вызвала у меня улыбку. Мадам была так любезна, что снабдила меня деньгами на такси до города. Вряд ли она могла бы сделать что-то большее для наемной прислуги. Именно прислугой я и была. Отныне придется не забывать об этом ни на минуту.

Таможенник, держа в руке мелок, подвинул ко мне чемодан. В тот момент, когда я шагнула вперед, чтобы взять багаж, пробежавший мимо служащий аэропорта столкнулся со мной и нечаянно выбил из рук сумочку, которая, отлетев к барьеру, шлепнулась на пол.

- Mille pardons, mademoiselle. Excusez-moi.
- Ce n'est rien, monsieur.
- Je vous ai fait du mal?
- Pas du tout. Ce n'est rien.
- Permettez-moi, mademoiselle, votre sac.
- Merci, monsieur. Non, je vous assure, il n'y a pas de mal...¹

Только после многократных горячих уверений, что у меня ничего не пропало и моему здоровью не нанесен непоправимый урон, он наконец испарился.

Нахмурившись, я проводила его глазами. Ничего особенного не произошло, но я внезапно осознала, что десять лет — не так уж

¹ — Тысяча извинений, мадемуазель, простите.
 — Не за что, месье.
 — Я вас ушиб?
 — Нисколько. Ничего не случилось.
 — Разрешите, мадемуазель, вот ваша сумочка.
 — Спасибо, месье. Уверяю вас, все в порядке... (фр.)

много. Моя реакция была мгновенной, словно кто-то переключил рычаг в голове.

Такое не должно повториться. Надо постоянно помнить одно обстоятельство. «Я англичанка. Англичанка». Мадам де Вальми очень ясно дала понять: ей нужна именно английская девушка, и коль скоро она решила, что французский язык и все связанное с Францией знакомо мне не больше, чем любой средней «английской девушке», учившей французский в школе, ничего дурного тут нет. Она почему-то постоянно подчеркивала свое требование... но, может быть, я так жаждала получить это место, что придала слишком большое значение ее словам. А вообще-то вряд ли мадам может действительно интересоваться, кто я такая — англичанка, француженка или даже готтентотка, если я буду добросовестно выполнять свои обязанности и, забывшись, не перейду на французский, беседуя со своим питомцем, маленьким Филиппом; с ним я должна говорить по-английски. Кроме того, нельзя сказать, что я ее обманула, потому что я действительно англичанка. Мой отец — англичанин, в маме по крайней мере четверть английской крови... и детские годы кажутся сейчас такими далекими. Годы, которые мы с мамой прожили у бабушки в Пасси. Париж был занят бошами, а отец неизвестно где скрывался, но мы знали, что ему угрожает опасность, и не позволяли себе говорить или даже думать по-английски... Эти дни отодвинулись так далеко в прошлое, что казалось, их пережил кто-то другой.

Гораздо более реальными были последние десять лет, проведенные в Англии, — семь в лондонском приюте Констанс Батчер и три относительно независимых, дававших ложное ощущение полной свободы года, когда я называлась «главной прислугой», то есть в каждой бочке затычкой, в начальной школе для мальчиков в Кенте. Бесконечные, устланные зеленым линолеумом коридоры, колбаса на обед по понедельникам и четвергам, кучи грязных простынь, которые надо сложить и сосчитать, запах мела и карболового мыла в классах... Все это запомнилось гораздо лучше, чем уютный старый домик в Пасси или даже парижская квартира на улице Прантан, на последнем этаже, куда мы переехали, когда война закончилась и отец вернулся домой...

— Ни о чем не хотите заявить? — устало спросил таможенник.

Я вздрогнула и, обернувшись к нему, решительно произнесла по-английски: «Нет, ничего такого. Вообще ничего...»

Перед зданием аэропорта выстроились такси. «Отель „Крийон“, пожалуйста», — сказала я шоферу и усмехнулась про себя, за-

метив слегка удивленный вид, с которым он выслушал этот внушающий немалое почтение адрес.

Потом он поставил рядом со мной старый коричневый чемодан; дверца захлопнулась, машина набрала скорость, мы отправились в город.

Если во мне еще оставалось ощущение чего-то незнакомого, сейчас оно исчезло окончательно. Такси, сделав крутой поворот, выехало на шоссе. Резко взвизгнули на мокром асфальте тормоза, и машина помчалась в Париж.

Я откинулась на спинку заднего сиденья, вдыхая знакомый резкий запах «Голуаз», старой кожи, застоявшуюся бензиновую вонь; прежний мирок смыкался вокруг меня, окружая облаком полубытых ощущений, которые, казалось, полностью вытеснили картины последних десяти лет жизни, словно их и не было. Машина оказалась ящиком Пандоры, а я не только приоткрыла его крышку, но и очутилась внутри его. Эти ласкающие, жалищие воспоминания... вещи, которых я раньше никогда не замечала, по которым никогда не тосковала, пока снова их не увидела; эти несколько не изменившиеся частички жизни, которая остановилась десять лет назад...

Шофер читал газету, она была свернута и засунута в ящик рядом с приборной доской. Знакомый жирный расплывающийся шрифт; уголок фотографии, почти неразличимой с моего места. С нами поравнялся автобус, над передним стеклом которого светилась надпись «САНЛИ». Перед глазами промелькнули стеснившиеся на задней площадке, вплотную прижатые друг к другу рабочие парни и девушки, которые покачивались в такт движению машины, ухватившись за поручни и кожаные петли.

Потом вокруг меня сомкнулись безобразные парижские окраины: высокие дома — балконы с железными перилами, окна, прикрытые жалюзи, щиты с ободранными афишами (Бонбель, Сюниль и прочее, и прочее); грязные табачные лавчонки, витрины которых отражались на мокром тротуаре оранжевым и золотым; ярко сверкающие ряды бутылок, тесно сдвинутые металлические столики у запотевших окон; Дюбо, Дюбон, Дюбонне... а впереди — отделенный от нас длинным, плавно спускающимся прямым отрезком дороги на Фландрию — Париж зажигал вечерние огни.

Вдруг защипало в глазах, я опустила веки и откинулась на потрепанную обивку сиденья. Но дыхание Парижа неумолимо коснулось меня, проникнув сквозь открытое стекло машины, атако-

вало тысячью запахов поджаренных кофейных зерен, кошек, водосточных труб, вина, влажного воздуха... Хрипло звучали голоса продавцов газет: «Франс суар», «Пари пресс»... кто-то предлагал лотерейные билеты... полицейские свистки... визг тормозов. «Чего-то не хватает, — рассеянно подумала я, — что-то изменилось...» Но только когда машина вильнула в сторону и я, открыв глаза, увидела, что водитель едва не врезался в группу велосипедистов, мне стало понятно, в чем дело. Шофер не просигналил; неумолчный шум автомобильных гудков навсегда покинул Париж. Я внимательно всматривалась в окружающее, словно никогда не бывала здесь, словно оказалась в чужом городе, живущем незнакомой жизнью.

В душе я была довольна этой переменной. С трудом собрав разбредавшиеся мысли, я заставила себя думать о будущем. Итак, снова Франция; то, о чем я мечтала целых десять лет, наконец исполнилось. Какой бы прозаической или даже тягостной ни была моя новая работа, по крайней мере, она дала мне возможность вернуться в страну, которую я упорно продолжала считать своей родиной. Если я и обманула мадам де Вальми, то сделала это под давлением обстоятельств. И вот я здесь. Я во Франции. Ярко освещенные кварталы, проплывающие мимо, — здесь мой дом. Очень скоро мы окажемся в самом центре Парижа, пробьемся сквозь сумятицу улицы Руайяль на сверкающие просторы площади Конкорд, где окна отеля «Крийон» смотрят на Сену сквозь ветви каштанов, на которых пока еще не раскрылись почки. А завтра снова отправимся в глубь Франции, мимо нас промелькнут пастбища и виноградники, их сменят холмы, альпийские вершины; наконец мы достигнем Верхней Савойи, где рядом с деревушкой Субуру вознесся над лесами горный замок Вальми... Я легко могла представить себе этот замок. Он вставал у меня перед глазами сотни раз с тех пор, как началось мое путешествие, — волшебный дворец из царства грез, что-то неземное, романтически-таинственное, почти невозможное в реальной жизни, вроде декорации к диснеевскому рекламному ролику, превозносящему зубную пасту Гиббса. Конечно, вряд ли он будет именно таким, но все же... Такси замедлило ход, дернулось и, недовольно урча, остановилось позади автобуса, замершего возле остановки. Я крепко сжала сумочку, лежащую на коленях, и наклонилась вперед, рассматривая улицу.

Сейчас, когда я достигла цели, малейшее промедление казалось нестерпимым. Автобус наконец двинулся, проехал несколько мет-

ров и свернул направо. Такси промчалось мимо на расстоянии примерно трех сантиметров, ловко вильнуло между двумя испуганными пешеходами и с бешеной скоростью вырвалось вперед. Вперед, скорее, скорее...

И неожиданно в памяти всплыли строки:

И девять ждут тебя карет — вперед, скорее...

Конечно, все это было совершенно не к месту. Откуда взялись стихи? Я напрягала память, пытаюсь вспомнить... Что-то там про дворцовую роскошь, приволье и богатство... «Пиры при свете факелов! Веселье! Игры! И девять ждут тебя карет — вперед, скорее...» Нечто вроде реестра прелестей придворной жизни, составленного соблазнителем, желающим завлечь беспомощную одинокую юную девицу в ловушку, где, прикрытая роскошью, таится гибель. Да, эта строка оттуда — злодей Вентис заманивает невинную дурочку Кастизу в постель князя... («И прямо к дьяволу...») Я улыбнулась, довольная тем, что смогла вспомнить, откуда эти строки. Правда, они сейчас совершенно не к месту.

Сидящая в такси молодая девица спешила не к роскошной жизни и не в лапы к дьяволу (я надеюсь), а просто устраивалась на новое место, чтобы заняться той же работой, которой занималась в Англии. Мисс Линда Мартин, няня и гувернантка Филиппа, графа де Вальми, девяти лет от роду.

Через несколько минут я буду на месте. Меня примет мадам де Вальми — элегантная, с волосами цвета серебра, сидящая с такой горделивой осанкой, столь хрупкая, что кажется, легкий ветерок может ее опрокинуть. Отбросив мысли о волшебном замке, я вынула из сумки зеркальце и стала приглаживать волосы, вспоминая, словно повторяя затверженный урок, все, что мне было известно о новых хозяевах.

Мадам де Вальми во время нашего разговора в Лондоне не особенно рассказывала о семействе, в котором я должна буду служить, но основное в довольно сложных нюансах взаимоотношений между его членами я уловила. Старый граф де Вальми, дедушка Филиппа, был владельцем огромного состояния, которое после его смерти досталось трем сыновьям: его старшему сыну, новому графу — Этьену, Леону и Ипполиту. Этьен получил основную часть, родовой замок Вальми и дом в Париже; Леон, кроме прочего, прелестное имение Бельвинь в Провансе; Ипполит — обширные земельные владения на берегу озера Леман, в нескольких километ-

рах от Вальми. Когда старый граф умер, Этьен, остававшийся холостяком, с благодарностью согласился на то, чтобы Леон не покидал Вальми и исполнял роль управляющего. Этьен предпочитал Париж и направился туда, а Леон жил в Вальми, занимаясь делами имения; оттуда он управлял своими землями в Провансе. Младший брат, Ипполит, известный археолог, в промежутках между заграничными путешествиями и научными экспедициями жил у себя дома, в Тонон-ле-Бен.

Так продолжалось довольно долго. И вдруг, когда уже никто не ожидал от Этьена подобного поступка, он женился — и через два года на свет появился Филипп. Семья жила в Париже до прошлого года, мальчику скоро должно было исполниться девять лет, и тут его родителей постигла та же судьба, что и моих. Они погибли в авиакатастрофе, возвращаясь из Испании, где провели лето, и Филиппу пришлось уехать из Парижа в Тонон на попечение своего дяди. Ипполит не был женат. «Однако, — сказала мне мадам де Вальми, блиставшая утонченной, словно старое серебро, элегантностью, которую отражало зеркало в стиле эпохи Регентства в гостиной ее номера в отеле „Клеридж“, — однако ребенок очень привык к Ипполиту и любит его. Мой деверь и слышать не хотел о том, чтобы мальчик жил в Вальми, хотя официально это собственность Филиппа...» На губах ее тогда показалась приторная улыбка, рассеянная, холодная, как апрельская луна, и я внешне поняла Ипполита.

Я просто не могла себе представить, как изысканная Элоиза де Вальми будет возиться с девятилетним мальчишкой. Конечно, для Филиппа было бы лучше оставаться на вилле Мирей с дядей Ипполитом. Даже с археологом, наверное, легче найти общий язык, чем с мадам де Вальми. По крайней мере, он наверняка разделяет свойственную каждому нормальному мальчику страсть копать в грязи.

Но и археологов иногда призывает долг. Филипп успел прожить на вилле Мирей всего несколько месяцев; потом месье Ипполит, согласно взятому обязательству, должен был отправиться на раскопки в Грецию и Малую Азию. Вилла Мирей поневоле опала, и до возвращения Ипполита из экспедиции Филипп переехал в Вальми к другому дяде и тете. А парижская няня, постоянно роптавшая из-за того, что ей приходится жить в таком захудалом городишке, как Тонон, была просто убита перспективой целых полгода томиться в уединенной долине Верхней Савойи и со слезами и упреками уехала обратно в Париж...

И вот я здесь. Удивительно: хотя Париж снова проник мне в душу, знакомый, почти не затронутый изменениями, я все еще не чувствовала себя на родине. Я была иностранкой, чужаком, направляющимся в чужой дом на незнакомую работу. Может быть, чувство одиночества не зависит от каких-либо обстоятельств или места; наверное, оно кроется в самом человеке. Где бы вы ни были, вы сами окружаете себя одиночеством...

Такси пересекло улицу Рике и повернуло направо; здесь все было знакомо. Справа возвышался купол Сакре-Кёр, резким силуэтом выделяющийся на желтом вечернем небе. Где-то под ним, в рассеянном голубом сумраке Монмартра, лежала улица Прантан.

Повинуясь внезапному импульсу, я наклонилась к шоферу, крепко сжимая потрепанную сумочку:

— Вы знаете улицу Прантан? Это за авеню Вершуа, восемнадцатый округ. Пожалуйста, отвезите меня туда, я... я передумала.

Я стояла на мокром тротуаре перед открытой дверью, разглядывая дом номер четырнадцать на улице Прантан. Краска на стенах облупилась; железные перила балконов, на моей памяти ярко-бирюзовые, казались в вечернем свете грязно-серыми. Жалюзи на окне второго этажа висели на одном гвозде. Канарейки месье Бекара давным-давно перешли — на стене, там, где когда-то висела клетка, не осталось даже темного пятна. Верхний балкон, наш балкон, выглядел совсем крошечным.

Вокруг его краев были расставлены горшки с растрепанной геранью, на перилах сушилось полосатое полотенце.

Как глупо, что я пришла сюда! Глупее не придумаешь! Как будто взяла стакан, чтобы выпить вина, и вдруг увидела, что он пуст. Я быстро отвернулась.

Кто-то спускался по ступенькам. Ясно слышался стук каблучков. Я стояла, питая смутную надежду, что увижу кого-то знакомого. Нет, конечно. Это была молодая женщина, одетая с дешевым шиком, в обтягивающем черном свитере и узкой юбке в стиле площади Вандом, с нитками неправдоподобно крупного жемчуга на шее. У нее были светлые волосы; она жевала резинку. Пройдя через вестибюль к столу консьержки, стоявшему у самой двери, она потянулась к висевшей над ним полке и достала какие-то бумаги, подозрительно глядя на меня:

— Кого-нибудь ищете?

— Нет, — ответила я.

Она перевела взгляд на чемодан, стоящий у моих ног:

— Если вам нужна комната...

— Да нет, — сказала я, чувствуя себя довольно глупо. — Я просто... я жила здесь раньше, и мне захотелось посмотреть... Мадам Леклерк еще живет здесь? Она была консьержкой.

— Это моя тетя. Она умерла.

— О, простите.

Она перелистывала бумаги, не переставая смотреть на меня:

— Вы похожи на англичанку.

— Я и есть англичанка.

— Да? А говорите без акцента. Ну, я думаю, раз вы жили здесь...

Вы имеете в виду, в нашем доме? А как ваша фамилия?

— Моего отца звали Чарлз Мартин. Поэт Чарлз Мартин.

— Это было до меня, — сказала блондинка, лизнула карандаш и сделала осторожную пометку на одной из бумаг.

— Большое спасибо. До свидания, — сказала я и повернулась к чемодану, стоявшему на тротуаре.

Я оглядела внезапно потемневшую улицу в поисках такси. Впереди показалась машина, я подняла руку, но, когда такси подъехало поближе, увидела, что оно занято. Когда машина проезжала мимо меня, уличный фонарь ярко осветил ее сзади. Там сидела пожилая пара — худенькая женщина и дородный мужчина в костюме; две девочки-подростка примостились на откидных сиденьях. Все четверо были нагружены свертками и весело смеялись.

Машина скрылась из виду. Улица была пуста. За спиной раздавались шаги блондинки, поднимающейся по лестнице дома номер четырнадцать. Я оглянулась, бросила последний взгляд на свой бывший балкон и отвернулась, всматриваясь в дорогу в надежде увидеть еще одно такси. Ни дом, ни улица больше не казались мне знакомыми, родными.

И вдруг я перестала жалеть, что приехала сюда. Воспоминания о прошлом, пережитом, по которому я так долго тосковала, больше не преследовали меня — словно тяжелое бремя свалилось с плеч. Будущее все еще скрыто где-то в конце темной улицы, вдаль от тусклого света фонарей, от которого по небу стлался желтоватый туман.

Я стояла здесь словно на границе между прошлым и будущим и впервые ясно увидела свою жизнь — то, что было, и то, что будет. Воспоминания об отце, матери и улице Прантан мешали мне чувствовать себя как дома в Англии; я не только осиротела, но и ли-

шилась родины и всего, связанного с ней, плыла по течению, не имея никакой цели, не желая примириться с условиями жизни, которые были так жестоко и бесцеремонно мне навязаны.

Я упорно не хотела адаптироваться к ним, завоевать себе достойное место; вела себя как избалованный ребенок, отказывающийся есть пирожные потому, что ему не досталось самое вкусное. Я втайне надеялась, что произойдет чудо и все будет по-старому. Но такого не бывает. В память о детстве я отвергла то, что могла дать мне Англия, а теперь Париж, Париж моего детства, отверг меня. Здесь я тоже была чужаком. И если я хочу найти себе место в любой стране — что ж, человека принимают в свою среду только тогда, когда он заставляет признать его. Этим и придется заняться. Теперь у меня есть шанс — замок Вальми. Пока я ничего не знаю о членах семейства, кроме их имен; но скоро имена облекутся плотью, станут людьми, с которыми я буду жить, для которых буду что-то значить... Я медленно произнесла про себя эти имена, размышляя о тех, кому они принадлежат: Элоиза де Вальми, элегантная и недостижимая в изящной ледяной скорлупе, которая — я в этом уверена — со временем растает; Филипп де Вальми, мой питомец, о котором я знаю только то, что ему исполнилось девять лет и что он не очень крепкого здоровья; его дядя, подлинный владелец замка, Леон де Вальми...

И вдруг произошла странная вещь. Не знаю, может быть, это случилось потому, что я впервые назвала про себя последнее имя полностью, находясь на улице, воскресившей мириады смутных воспоминаний и ассоциаций, которые внезапно, под влиянием какого-то каприза памяти сложились в единое целое, подобно тому как магнит, притягивая стальные булавки, образует из них причудливые узоры. Я вдруг ясно услышала разговор отца с мамой. «Леон де Вальми, — говорила мама (она, по-моему, читала вслух газету). — Леон де Вальми. Здесь пишут, что он стал калекой. Он сломал себе позвоночник, когда играл в поло, и говорят, что если он останется жив, то до конца жизни сможет передвигаться только в инвалидном кресле». Потом безразличный голос отца: «Да? Ах, какое горе! Ничего не могу с собой поделать — мне очень жаль, что он не сломал себе шею. Человечество ничего бы не потеряло». — «Чарлз!» — укоризненно сказала мама, а он добавил: «Почему я должен лицемерить! Ты же знаешь, что я ненавижу этого человека». — «Не могу понять почему», — возразила мама, а отец засмеялся и ответил: «Ну куда уж тебе...»

Потом голоса, звучавшие в моей памяти, умолкли, оставив смутное предчувствие беды и сомнение, действительно ли был когда-то такой разговор между родителями, или это очередная шутка, которую сыграло со мной чересчур живое воображение. Издали показалось такси, и я, должно быть, автоматически подала ему знак остановиться, потому что машина, скрипнув тормозами, замерла прямо передо мной. Я снова сказала:

— Будьте любезны, отель «Крийон», — и села в машину.

Такси рванулось с места, повернуло налево и помчалось по темной, пустой улице Прантан. Звук мотора отражался с удвоенной силой от домов, словно спрятавших глаза за темными жалюзи. «И девять ждут тебя карет — вперед, скорее... И прямо к дьяволу... к дьяволу...» Нет, это было не предчувствие беды, просто я очень волновалась. Я улыбнулась. К дьяволу или еще куда-то, но я все-таки двигалась вперед.

Я постучала в стекло перегородки и сказала шоферу:

— Скорее!

КАРЕТА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 2

...И облик тот еще не потерял
Той белизны, которой он сиял,
Могучий, но поверженный Архангел.

Джон Мильтон. Потерянный рай

«Он в каждом слове лжет», — подумал я;
Седой калека взором ворожит:
Поверю я бесстыдной этой лжи
Иль нет...

Роберт Браунинг. Чайлд Роланд

Городок Тонон-ле-Бен расположен на южном берегу озера Леман, к северо-востоку от Женевы, примерно в двадцати милях от нее. В Женеве нас встретил большой черный «даймлер», прибывший из Вальми, который плавно покатил нас по фешенебельным улицам города к французской границе и Тонону.

Мадам де Вальми очень редко заговаривала со мной в дороге, за что я была ей благодарна; мои глаза и мысли были заняты новыми впечатлениями, а главное — хотя она старалась проявить всю любезность, на которую была способна, но я все же чувствовала себя неловко в ее обществе. В ней ощущалась какая-то отчужденность, из-за чего с мадам было трудно сблизиться и даже иногда ее понять. Беседа с этой дамой походила на разговор по междугородному телефону: совершенно не пытаюсь идти навстречу собеседнику, она вдруг отвлекалась, и контакт с ней полностью терялся. Вначале мне казалось, что мадам делает это намеренно, чтобы держать себя на расстоянии, но, когда она дважды задала вопрос и, потеряв всякий интерес, перестала слушать прежде, чем я ответила, стало ясно, что ее занимают гораздо более важные материи, чем гувернантка Филиппа. Я перестала надоедать ей своими разговорами, что принесло мне облегчение.

Автомобиль с мягким урчанием мчал нас по богатому и процветающему краю, где не было ни одного заброшенного клочка

земли. Слева, сквозь заросли тополей и плакучей ивы, блестели воды озера, то скрываясь, то снова показываясь из-за тесно растущих деревьев. Справа зеленая равнина постепенно поднималась к подножию заросших лесом холмов, потом смело взмывала крутым подъемом к величественным силуэтам Альп, где ослепительно сверкали огромные снежные шапки. Я подумала, что одна из вершин, возможно, знаменитый Монблан, но, украдкой взглянув на Элоизу де Вальми, поняла, что сейчас не время спрашивать об этом.

Мадам де Вальми сидела с закрытыми глазами. Посмотрев на нее, я подумала, что не ошиблась. Она выглядела усталой и одновременно беспокойной, однако это не мешало ей сохранять холодное изящество. Очевидно, ей уже за пятьдесят, но женщины подобного типа долго сохраняют красоту независимо от возраста. Это обычно называют утонченностью: прекрасной формы голова, слегка впалые виски, прямой нос с маленькой горбинкой и тонкими ноздрями; только внимательно всмотревшись, можно заметить мелкие морщинки у глаз и в углах рта. Умело подкрашенное бледное лицо с чистой и гладкой кожей, над опущенными сейчас веками гордо изогнутые, красиво очерченные брови. Волосы словно чеканное серебро. Только губы под тщательно нанесенным слоем дорогой помады и руки в серых перчатках, неподвижно лежащие на коленях, слишком тонки, нарушая общее впечатление гармонии и красоты. Эта женщина была словно хрупкая драгоценность, далекая, как луна в небесах.

Я забила в угол. Передо мной возвышались квадратные плечи шофера мадам де Вальми. Рядом с ним, такая же квадратная, безупречно одетая, сидела Альбертина — горничная мадам. И если мне придется — как во всех классических романах, повествующих о гувернантках, — занять неопределенное положение между аристократическим салоном и гостиной для прислуги, по крайней мере сейчас, в этой машине, я нахожусь, так сказать, как раз на подобающем месте. Я была очень рада, потому что мне не очень-то понравилась Альбертина.

Это была черноволосая плосколицая женщина примерно сорока пяти лет, с мрачным, замкнутым выражением лица и безобразно большими руками. Хотя прошлым вечером она постоянно находилась в покоях мадам де Вальми, но с того момента, как я пришла, ни разу не заговорила со мной. Я несколько раз ловила ее взгляд, полный какой-то холодной ненависти. Сначала это меня

удивило, но теперь я поняла, что такое поведение, очевидно, было для нее привычным и не имело особого значения. Она сидела выпрямившись рядом с шофером, крепко сжимая стоявшую у нее на коленях шкатулку с драгоценностями мадам. Шофер и горничная не обменялись ни единым словом. Я бы даже сказала, что они полностью игнорировали друг друга. Их сходство было столь разительным, что я совершенно серьезно размышляла, не супружеская ли это пара (позже мне сказали, что они брат и сестра). Бернар, шофер мадам де Вальми, отличался безукоризненными манерами, но он, как и Альбертина, выглядел так, будто ни разу в жизни не улыбнулся, и был такой же мрачный, словно кто-то его сильно обидел. Надеюсь, эта черта не свойственна всем жителям Савойи... Я снова украдкой посмотрела на неподвижное лицо мадам. Оно тоже не внушило мне особой радости. Да, трудно будет выбирать между салоном и гостиной для прислуги...

Мы пересекли границу и теперь поднимались к Тонону; там дорога повернет на юг, в сторону гор. Все выше и выше; слева расстилась глубокая долина, где были рассыпаны группы домов с яркими крышами и фруктовые сады, окутанные бледно-зеленым туманом распускающихся почек. Долина спускалась ниже, к поясу деревьев, окаймлявших берега озера. Кое-где сквозь путаницу еще безлистных ветвей проглядывали трубы домов побольше. Один из них — мадам де Вальми удивила меня, открыв глаза и приподнявшись на сиденье специально для того, чтобы показать мне этот дом, — был виллой Мирей, где жил Ипполит, третий, младший брат в семействе де Вальми. Я успела увидеть трубу виллы среди окружавших ее деревьев. Над ней не поднималась струйка дыма, как над другими домами. Вдали расстилось сверкающее зеркало озера Леман, шелковистая поверхность которого лениво морщилась под полуденным солнцем. На ярко-синем фоне озера кое-где мелькали еле заметные пятнышки белых и алых парусов.

Стоял теплый день, и городок, который мы проезжали, нежился в солнечных лучах. Улицы были окаймлены аккуратно подрезанными деревьями, на ветвях которых уже распустились бледно-зеленые листочки. Хозяйка лавок разложили товары на тротуарах; под теплым ветерком развевались на вешалках яркие набивные платья; среди сморщенных яблок прошлогоднего урожая сверкал блестящий, как игрушка, зеленый и красный перец; стояли ряды

празднично разрисованных цветочных горшков, целые леса садовых инструментов, выкрашенных ярко-зеленой краской. А края тротуаров были уставлены цветами: здесь стояли ведра тюльпанов и фрезий, красные шары петушиных гребешков, белые и ярко-желтые глазастые нарциссы, пурпурные и лиловые анютины глазки, ирисы, чьи лепестки сияли белым, кремовым, голубым и темно-синим... целое море! И все эти цветы, втиснутые в ведра и тазы вместе, на французский манер, трепетали и благоухали на солнце.

Я, должно быть, вскрикнула от восхищения, когда мы проезжали мимо этого цветочного изобилия, потому что, помню, мадам де Вальми слегка улыбнулась и произнесла:

— Вы не видели, каким бывает Вальми в апреле!

Потом мы повернули направо, и дорога вновь повела нас ввысь, через заросшие деревьями пригороды, прямо в горы.

Скоро мы очутились в узком ущелье, где дорога, река и линия железной дороги, сплетаясь в причудливый узор, пробивали себе путь среди высоких утесов, на которых были беспорядочно разбросаны деревья. Потом железная дорога повернула направо, бесследно исчезнув в туннеле, но зато с левой стороны шоссе нас сопровождала река — зеленовато-белый поток, мчавшийся вниз по склону по узкому, усеянному камнями руслу. Вокруг сомкнулись утесы. Над нами серые, по-мартовски голые деревья уходили вершинами в облака. Дорога круто пошла вверх. Далеко под нами неслась покрытая белой пеной река, гремя о камни.

«Мрачная долина, — отметила я про себя. — И дорога опасная...» Но вот мы сделали крутой поворот в месте, называвшемся Бель-Сюрприз, и перед нами, словно светлая прореха в непроницаемо-темном занавесе, открылись луга Вальми.

— Это селение Субиру, — сказала мадам де Вальми, — вон там, подальше. Оно снова скроется из виду, когда дорога пойдет вниз, среди деревьев.

Я наклонилась вперед и посмотрела вдаль. Селение Субиру лежало, словно на плоском блюде, среди лугов и посевов, безмятежно спокойное среди обступивших его невысоких гор. Я увидела блеск тонких нитей ручьев и ряды плакучих ив там, где среди зеленых трав встречались два потока. Субиру находилось у самого их слияния; яркое, как игрушка, оно четко вырисовывалось в прозрачном воздухе. Ясно были видны все три его моста, небольшой часовой завод и собор Святой Марии, где на шпиле знаменитой колокольни сверкал в солнечных лучах флюгер.

— А где же Вальми? — спросила я, когда машина снова направилась вниз и густые заросли по обе стороны шоссе закрыли вид. — Мы, наверное, уже подъезжаем?

— Слева — наши леса, леса Вальми. Они тянутся почти до Тонна. Мерлон — так называется река — идет по границе между Вальми и Дьедонне, это имение справа от дороги. Скоро мы перейдем через реку, и тогда, — мадам слабо улыбнулась, — тогда вы увидите Вальми.

Она говорила все это своим обычным, спокойным голосом, чистым и ясным, как серебрястые звуки флейты. Но мне внезапно показалось, что мадам... возбуждена? Нет, это слишком сильно сказано, наверное... просто немного взволнована возвращением... Очевидно, я заблуждалась на ее счет еще минуту назад; несмотря на хрупкий облик горожанки, она любит эту далекую горную долину и с радостью возвращается сюда. Я ощутила невольный прилив симпатии к ней:

— Здесь чудесно, мадам де Вальми! Какое красивое место!

Она улыбнулась:

— Да, не правда ли? И вам повезло, мисс Мартин, в этом году ранняя весна. Зимой иногда бывает холодно и мрачно, но всегда красиво. По крайней мере, мне так кажется. Много лет это был мой... наш дом.

— Мне понравится здесь! — горячо сказала я. — Непременно понравится!

Тонкая рука, затянутая в перчатку, слегка шевельнулась.

— Надеюсь, мисс Мартин, — довольно любезно, но без особой теплоты ответила мадам де Вальми.

Улыбка исчезла — и лицо снова приняло холодное, рассеянное выражение, глаза смотрели мимо меня: она словно забыла о моем существовании. Наконец она отвернулась. Может быть, мое место в машине и было рядом с мадам, но, во всяком случае, я должна сдерживаться и знать свое место.

Я искоса нерешительно посмотрела на нее, но она этого не заметила; тогда я повернулась к окну. И сразу же увидела замок.

Мы уже некоторое время ехали по долине: направо тянулось урочище Дьедонне — высокие пихты, вершины которых, освещенные солнцем, колыхались от свежего ветра; а за крутым берегом реки сплошной массой вздымались леса Вальми — дикие заросли, где среди орешника и берез проглядывал остролист, а огромные сероватые буки, словно стадо диких слонов, горделиво выступали

из кустов боярышника и ломоноса. Над этим спутанным переплетением ветвей поднималось высокое плато, а там, на фоне дальнего леса и крутого горного склона, возвышался замок Вальми, его окна пылали, отражая солнечный свет. Беглого взгляда на здание оказалось достаточно, чтобы убедиться — это не романтическое средневековое строение со шпилями и башнями, а классическое четырехугольное здание, изящное и гармоничное, как все дома, построенные в восемнадцатом веке. Замок казался удивительно легким и призрачным: он словно парил, озаренный светом весеннего солнца, над темным морем деревьев. Он казался очень далеким и совершенно неприступным, но едва я успела подумать об этом, как машина замедлила ход, свернула с дороги на изящный небольшой каменный мост, проложенный через реку Мерлон, проехала узкий туннель, образованный нависшими ветвями деревьев, и быстро двинулась вверх по крутому склону.

Дорога к замку шла зигзагами — серия крутых опасных поворотов, которые машина преодолела в несколько приемов. Мы словно поднимались на лифте; сначала миновали участок, заросший лесом, потом открытый склон и наконец проехали вдоль высокой каменной стены ограды парка, окружающего замок. Сверху находилась мощенная гравием площадка размером с небольшое поле. Преодолев последний поворот, машина плавно въехала на площадку и, сделав широкий круг, остановилась у огромной входной двери в северной стене замка.

Шофер, выйдя из машины, обошел ее кругом, чтобы открыть дверцу для мадам де Вальми и помочь ей выйти. Альбертина, не удостоив меня словом или хотя бы взглядом, занялась свертками и прочим ручным багажом. Я вышла из машины и остановилась в ожидании, пока мадам говорила с Бернаром, очень быстро и почти шепотом, так что я ни слова не разобрала.

Вначале мне показалось, что разговор имеет какое-то отношение ко мне, потому что маленькие темные глаза шофера неотрывно следили за мной, словно все его мысли были поглощены моей особой. Но очевидно, это было лишь выражением естественного интереса к новенькой: скоро Бернар, не проявляя никаких эмоций, отвел глаза, опустил голову и больше уже не смотрел в мою сторону, занявшись выгрузкой багажа.

Наконец мадам де Вальми обратилась ко мне:

— Ну вот, мы на месте.

Вообще-то говоря, это было и так понятно, но голос моей хозяйки звучал так приветливо, словно она произнесла: «Добро по-

жаловать!» Бегло улыбнувшись мне, она отвернулась и пошла по гравии дорожки.

Лишь подойдя ближе к дому, я осознала, какой он огромный и красивый: квадратный фасад, к двери ведет широкая, изгибающаяся дугой лестница, через арку слева можно пройти во двор и к различным службам; позади замка ярко освещенный солнцем склон, где расположены огороды, склон поднимается в горы, заросшие лесом... Я видела все это неясно, как в тумане. Словно порыв свежего ветра, меня опьянил яркий солнечный свет, широкий простор и мелодия шепчущих деревьев. Кругом разлилось золотое сияние ясного весеннего дня. Воздух был холодный, ароматный, пахло сосной и тающим снегом.

«Да, это вам не Северный Лондон!»

Я прошла вслед за мадам по широким ступеням, мимо склонившегося в поклоне лакея, в холл замка.

Вначале я не заметила женщину, которая ожидала нас там, в нескольких шагах от высокой двери.

Холл казался огромным, такое впечатление создавалось в основном из-за того, что потолок был очень высоким и помещение тонуло в полутьме. Пол, от которого веяло холодом, вымощенный квадратными плитами черного и белого мрамора, напоминал гигантскую шахматную доску. Напротив входной двери к широкой площадке поднималась лестница, освещенная прямыми лучами света, которые струились из окна с пятью стрельчатыми арками. На площадке лестница разделялась, поднимаясь двумя изящными дугами к галерее. Больше мне ничего не удалось различить, ибо яркий свет, проходящий сквозь арку высокого окна, падал прямо в центр холла, оставляя все вокруг в глубокой тени.

Я несколько раз моргнула, чтобы привыкнуть к такому освещению. Потом послышался женский голос, и к нам подошла пожилая дама. Очевидно, это домоправительница мадам де Вальми: коренастая женщина, которой, вероятно, уже минуло шестьдесят, с полным добродушным лицом и седыми волосами, собранными в старомодный пучок. Она была одета во все черное, а ее единственным украшением — если это можно назвать украшением — служило пенсне в золотой оправе, выглядывавшее из нагрудного кармана, с цепочкой, прикрепленной к платью золотой булавкой. Ее спокойное лицо, немного переваливающаяся походка, облик в целом — все было воплощением респектабельности. Во всяком случае, в этой женщине не было ничего от скрытных темноволосых и смуглых жителей Савойи.

Здороваясь с мадам де Вальми, она с любопытством взглянула на меня. У нее оказался приятный голос; слова она выговаривала так, будто ей постоянно не хватало воздуха, — быстро и, к моему удивлению, с ужасным акцентом.

Мадам рассеянно отвечала ей. В потоке безжалостного света морщины на ее лице обозначились явственнее. Неожиданно она произнесла, глядя мимо женщины в черном, в темную глубину холла:

— А как здоровье вашего хозяина?

— О, прекрасно, мадам. Последние несколько дней он был... простите, мадам... совсем таким, как прежде: всем интересовался, строил разные планы... О, совсем как в прежние времена, мадам.

Она говорила с легкой фамильярностью служанки, давно живущей в доме, и на ее лице можно было прочесть искреннее удовлетворение тем, что она может сообщить хозяйке что-то хорошее. По правде говоря, большее удовлетворение, чем выразила сама мадам де Вальми. Мне показалось даже, что она нахмурилась.

— Планы?

— О да, мадам. Я не знаю, в чем они заключаются, но Арман Лесток и хозяин долго беседовали насчет этого. Наняли еще несколько человек для работы в саду, и приходил мастер, чтобы подсчитать, во сколько обойдутся работы, о которых хозяин говорил прошлой зимой. Между прочим, сейчас он здесь, мадам. Пошел проверить балкон западного фасада, где расшаталась кладка. Мне кажется, хозяин тоже там — его лифт не стоял на первом этаже, когда Седдон затапливал камин в библиотеке.

Мадам де Вальми снимала перчатки быстрыми нервными движениями. Внезапно она произнесла:

— Вы не знаете, были какие-нибудь известия о месье Ипполите?

— Мне кажется, были, мадам. Неделию назад от него пришло письмо... во вторник, нет, в среду; тогда же мы получили ваше письмо из Лондона относительно этой молодой леди. — Она замолчала, переводя дыхание, и кивнула головой: — Да, так оно и есть. Письмо из Афин пришло в среду, потому что я помню, что в тот день Арман Лесток был здесь, и...

— Очень хорошо, миссис Седдон, благодарю вас. — Казалось, мадам де Вальми не слушала ее. — Вы сказали, что хозяин наверху? Пожалуйста, пошлите кого-нибудь сказать, что мы с мисс Мартин уже здесь.

СОДЕРЖАНИЕ

И ДЕВЯТЬ ЖДУТ ТЕБЯ КАРЕТ <i>Перевод Рамина Шидфара</i>	5
МАДАМ, ВЫ БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ? <i>Перевод Юлии Бабчинской</i>	319
НЕ ТРОГАЙ КОШКУ <i>Перевод Михаила Кононова</i>	503
РОЗОВЫЙ КОТТЕДЖ <i>Перевод Екатерины Коротнян</i>	743
НОВЕЛЛЫ	
Обдуваемые ветром островки <i>Перевод Натальи Машкиной</i>	907
Потерянная <i>Перевод Натальи Машкиной</i>	958

Стюарт М.

С 88 И девять ждут тебя карет ; Мадам, вы будете говорить? : романы, новеллы / Мэри Стюарт ; пер с англ. Р. Шидфара, Ю. Бабчинской, М. Кононова и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 992 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-15801-6

Книги Мэри Стюарт завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших ее мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саппенс. Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стран мира.

Молодая англичанка Линда, героиня романа «И девять ждут тебя карет», приезжает во Францию, чтобы стать гувернанткой девятилетнего Филиппа, графа де Вальми. На ее глазах происходят странные события, которые заставляют задуматься: что за невидимая драма разворачивается под сводами родового замка?

Роман «Мадам, вы будете говорить?» начинается с приглашения к путешествию. Чарити вместе с подругой отправляется в поездку по чарующему югу Франции, но случайная встреча заставляет ее изменить планы...

После смерти отца Бриони, героиня романа «Не трогай кошку», возвращается в семейное поместье и узнает, что в последние минуты жизни отец пытался предупредить ее о какой-то опасности...

В романе «Розовый коттедж» Кейт Геррик выполняет поручение своей бабушки: отыскать в их бывшем доме тайник с семейными реликвиями. Вскоре Кейт обнаруживает, что ее опередили: тайник пуст...

Юным героиням впервые переведенных на русский новелл «Обдуваемые ветром островки» и «Потерянная» предстоит проявить характер в борьбе с непредвиденными обстоятельствами...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

МЭРИ СТЮАРТ

И ДЕВЯТЬ ЖДУТ ТЕБЯ КАРЕТ
МАДАМ, ВЫ БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ?

Романы, новеллы

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать 28.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 62. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

И-ILN-24202-01-R